

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

<https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-94-97>

Рецензия на монографию: Функциональная неграмотность как объект психолингвистики / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин, И. А. Бубнова и др.; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р.Валент, 2022. 216 с.

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, kardanova81@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

Для цитирования: Карданова-Бирюкова К. С. Рецензия на монографию: Функциональная неграмотность как объект психолингвистики / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин, И. А. Бубнова и др.; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р.Валент, 2022. 216 с. // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 2. С. 94–97. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-94-97>.

REVIEW

Review of the monograph: Functional illiteracy as an object of psycholinguistics / V. A. Pishchalnikova, N. I. Stepykin, I. A. Bubnova et al.; ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: R.Valent, 2022. 216 p.

Ksenia S. Kardanova-Biryukova

Moscow City University, Moscow, Russia, kardanova81@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

For citation: Kardanova-Biryukova K. S. Review of the monograph: Functional illiteracy as an object of psycholinguistics / V. A. Pishchalnikova, N. I. Stepykin, I. A. Bubnova et al.; ed. by V. A. Pishchalnikova. Moscow: R.Valent, 2022. 216 p. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(2):94–97. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-2-94-97>.

Фраза «Книга, которую ждали» давно стала штампом. Но, кажется, выход рецензируемой монографии она характеризует точно: проблема функциональной неграмотности в разных ее проявлениях интересует родителей, воспитателей, учителей, преподавателей вузов, тьюторов, руководителей различных организаций и производств — словом, всех, кто озабочен развитием индивида и состоянием общества в целом.

В наше время стало очевидным, отмечает научный редактор монографии В. А. Пищальникова, что активно

пропагандируемые «европейские ценности» усредняют формы познания действительности. Все отчетливее выявляется цивилизационный вектор — развитие технологий, унифицирующих социальное бытие, формирующих мотивацию деятельности масс как приятие идеалов потребительского общества. «Это приводит к все более активному использованию редупликации как способа присвоения социально одобряемых моделей поведения и снижению личной ответственности за характер деятельности. Действующим субъектом становится сама реальность, по

сути, управляющая деятельностью индивида и даже в определенной степени заменяющая ему необходимость действовать осмысленно. Такие модели поведения распространяются на все типы деятельности, в том числе на процесс порождения речи и, как следствие, приводят к функциональной неграмотности, усиливающейся быстрым развитием транзактивной памяти, изменяющей принцип устройства человеческой памяти, а значит иные функции мышления, которые все чаще передаются компьютеру» (с. 5).

Под функциональной неграмотностью авторы монографии понимают «неспособность человека, формально умеющего читать и писать, понимать и анализировать тексты, в том числе инструкции, вообще находить и продуцировать нужную в деятельности вербальную информацию» (с. 5). Симптомы функциональной неграмотности — осознанные и неосознаваемые попытки избегания любых интеллектуальных задач; повторение одних и тех же системных ошибок во всех видах социальной деятельности; наличие значительных трудностей при выполнении любых словесных инструкций, особенно письменных; неумение анализировать и тем более продуцировать аналитические тексты; в целом отсутствие навыков и умений выполнения слухных операций и типов деятельности, особенно не алгоритмизированных. Более или менее успешно функционально неграмотные люди ориентируются только в ситуациях бытового общения, в которых функциональная неграмотность малозаметна.

Во введении к коллективной монографии задается теоретический контекст рассматриваемой проблемы функциональной неграмотности и привлекаются результаты как крупнейших мировых исследований, проводимых на материале разных языков (в том числе PISA и PIAAC), так и теоретически фундированных исследований российских психолингвистов, фокусно изучающих характер когнитивных процессов у студентов российских вузов при решении рзанных задач.

Актуальнейшая из социальных проблем исследуется авторами монографии теоретически и экспериментально в рамках психолингвистического подхода, наиболее

адекватного при изучении речевой деятельности и представленных в ней когнитивных процессов.

Устанавливаются и сложно взаимодействующие причины функциональной неграмотности — социально-культурные, педагогические, нейрофизиологические, технологические и др. Особо подчеркивается, что «цифровые технологии способствуют формированию ментальных операций редупликации, которые актуализируют процессы манипулирования сознанием человека в угоду целям владельцев цифровых ресурсов. Контроль уровня школьного образования, ориентированный на *выбор* ответа, с одной стороны, закрепляет операции редупликации, с другой — не дает оснований для развития ментальных и вербальных умений и навыков порождения и восприятия *связной речи*» (с. 7).

Самым тревожащим фактором исследователи считают деградацию всех сфер деятельности, связанных со *словом*, поскольку современная культура — это культура текстовая. Поэтому невладение словом, непонимание текста приводит к разделению населения на «людей, обладающих высоким уровнем языковой компетенции и способностью выполнять сложные ментальные неалгоритмические операции, и людей, владеющих операциями воспроизведения готовой информации, умеющими действовать по заданному простому алгоритму, не способными к поисковой деятельности» (с. 8). Однако новая действительность требует умения самостоятельно приобретать знания, уметь экстраполировать их на другие объектные области, использовать компьютерные технологии в обучении, самостоятельно планировать свою работу, адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности и др., с чем функционально неграмотный человек принципиально справиться не может.

На основе анализа значительного массива научной литературы авторы монографии обоснованно выделяют несколько типов причин функциональной неграмотности современного населения. «Причина *внешняя, цивилизационно-культурная* — распространение простых культурных мемов, способствующих упрощению операций с информацией и принятию клишированных форм, в которых преподносятся

фрагменты готового знания. Эта причина, в свою очередь, обусловлена формированием иной *иерархии базовых ценностей* под влиянием социально-исторических и политических факторов» (с. 11). Внутренней, *психологической и нейрофизиологической*, причиной В. А. Пищальникова, один из авторов и научный редактор монографии, считает «изменение принципов естественного семиозиса», происходящее в цифровом информационном пространстве, что очевидно влияет на нейрофизиологию мозга современного человека, хотя «биологическая эволюция идет значительно медленнее, чем культурная» (с. 12). В связи с этим сложные модели поведения вытесняются простыми, например мемами, которые присваиваются легче и в течение коротких временных периодов. Это ведет и к «эволюционной редукции интеллекта» в современном обществе — устранению преимущества высокого интеллекта: в условиях геометрического увеличения информации такие мемы сдерживают эволюцию мозга, ведь цифровая среда предлагает различные энергетически не затратные способы получения сведений в готовом виде. Такие способы получения «систематизированной информации в удобных для коммуникации средствах вполне устраивают значительную часть пользователей информационной цифровой среды, поскольку не требуют интеллектуального напряжения и психологических затрат на ее освоение. Это способствует еще более быстрому распространению операции имитации в условиях снижения значимости высокого интеллекта, что, в свою очередь, подготавливает нейрофизиологическую почву для распространения простых культурных моделей» (с. 13).

Авторы монографии опираются на данные различных психологических экспериментальных исследований о влиянии цифрового коммуникативного пространства на развитие детей, что усиливает правомерность выводов. Так, со ссылкой на исследование, проведенное Г. У. Солдатовой, Е. И. Рассказовой и Т. А. Нестик, подчеркивается, что значительное число пользователей Интернета неспособно осмысленно применять его информационные ресурсы (с. 14).

Опора на серьезные социологические, психологические и лингвистические работы позволяет авторам монографии сделать вполне аргументированный вывод: «Нейрофизиологически сознание современного человека неспособно обработать то количество несистематизированной информации, которое предлагает цифровое пространство. Нашей нейрофизиологии нужна помощь в виде специфической культуры восприятия и обработки потока информации, о необходимости которой задумываются редко и нерезультативно. И тогда человек вынужден адаптироваться к новым информационным условиям: у людей развивается так называемое клиповое, или дефрагментированное мышление, при котором (1) высока скорость потребления информации, (2) отдается предпочтение нетекстовой информации, более легкой в восприятии и понимании, (3) однако не возникает цельного, системного знания. Вполне очевидно, что такой характер мышления отнюдь не способствует ни повышению интеллекта в обществе, ни поддержанию использования сложных культурных мемов, в том числе и языковых» (с. 15). Серьезные изменения происходят в развитии такого когнитивного процесса, как внимание: по данным исследователей, уже появилось поколение людей с низкой концентрацией внимания, что делает невозможным усвоение и анализ длинных текстов.

Интересны и методически важны данные психолингвистических экспериментов, в которых установлены сложности с изложением основных положений теоретических концепций и формулированием собственной позиции по самым простым проблемам у студентов даже лингвистических специальностей. Н. И. Степыкин в ряде исследований показал, что у 52 % обследованных студентов отсутствуют операции поверхностного синтаксирования; отмечены также усиливающаяся тенденция к использованию приблизительных значений и отсутствие навыков проверки достоверности информации, что приводит к некорректному использованию терминов. Эти и другие результаты проведенных экспериментов представлены в отдельной главе монографии.

Важными представляются наблюдения, содержащиеся в разделе «Функциональная неграмотность и ценности». Экспериментальные данные, аккумулированные и интерпретированные З. Г. Адамовой, позволяют говорить о значимости социальной ценности *situhuu/usneh* для якутской лингвокультуры. Однако, как отмечает исследователь, ошибки в характере предикации, обнаруженные при проведении качественного анализа экспериментальных данных, свидетельствуют «о функциональных нарушениях в системе якутского языка вследствие влияния познавательных структур русского языка. Мы обнаружили нарушения как фонетических, орфографических, лексических, так и синтаксических норм якутского языка» (с. 124–125).

Динамика сформированности языковой способности у школьников рассматривается в главе «Письменная речь школьников: дрейф в сторону функциональной неграмотности?». Исследовательский коллектив под руководством Л. О. Бутаковой оценивал степень сформированности навыка письменной речи школьников на материале сочинений на свободную тему, аккумулированных в период с 2015 до 2021 г. Автор приходит к неутешительному выводу: «Письменные работы современных школьников... заставляют обратить внимание на бедность тематического, семантического, лексического состава текстов» (с. 213).

Причины такого положения дел анализируются во всех главах коллективной монографии: И. А. Бубнова обращает

внимание на то, что «сегодня за счет практически полной “визуализации” образования слово изгоняется из ментальных репрезентаций, а при помощи визуальных образов и картинок, сопровождающих решение любой задачи, намеренно, на наш взгляд, закрепляется ведущая роль правого полушария, опора на восприятие» (с. 77). Л. О. Бутакова приводит следующую статистику: «В современной России лишь каждый третий выпускник 11-х классов понимает содержание научных и литературных текстов, что обусловлено системой образования и учебными программами, направленными не на понимание прочитанного, а на звуковое воспроизведение» (с. 213). В. А. Пищальникова отмечает, что «имитация как нейрофизиологическая операция уже не только основательно внедрена в деятельность пользователей Интернета, но и стала у их значительной части доминирующей, выйдя за пределы цифровой коммуникации в другие сферы ментальной деятельности» (с. 37–38).

Таким образом, рецензируемая монография позволяет объяснить многие негативные явления в современном образовании и модифицировать методику преподавания, а также подсказывает пути противодействия актуальным тенденциям развития функциональной неграмотности в современном обществе (особенно показателен в этом отношении раздел «Путь к функциональной грамотности: внутренний метаязык, его специфика, функции и связь с навыками беглого чтения», подготовленный Е. Ю. Мягковой).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова, доктор филологических наук, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения

Ksenia S. Kardanova-Biryukova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Chair of Linguistics and Translation Studies

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted 24.08.2022; accepted for publication 17.11.2022.